

ВЕЛИКОМУ РОССИЙСКОМУ АНТИКОВЕДУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

20 октября 2012 г. исполнилось 60 лет со дня смерти великого русского ученого Михаила Ивановича Ростовцева (1870–1952). Он был не только великим историком–антиковедом и экономистом. М.И. Ростовцев был верным сыном своей великой Родины, оставаясь ее патриотом даже в добровольном изгнании.

М.И. Ростовцев родился 29 октября (10 ноября по нов. ст.) 1870 г. в Житомире в семье учителя местной гимназии. Его предки были ростовскими купцами. Однако уже дед получил право на потомственное дворянство, а отец был попечителем учебного округа. Таким образом, будущий историк принадлежал к буржуазно-дворянской служилой интеллигенции. Поэтому не стоит удивляться тому, что идеологической «русской подосновой» исторических концепций М.И. Ростовцева являются устремления той среды, к которой он сам принадлежал. Этим же можно объяснить и его исторические предпочтения. В жизненных установках дорогой его сердцу римской городской буржуазии присутствует столь характерный для него набор ценностей. Понятия: «дисциплина», «долг», «служба государству» и «повиновение» были наполнены для М.И. Ростовцева вполне определенным смыслом.

Подобное понимание жизни и истории породило тягу к знаниям, причем с упором на классическое гуманитарное образование. М.И. Ростовцев обучался в гимназиях Житомира и Киева. Сравнительно рано у него пробудился осознанный интерес к античности. Уже в гимназические годы им было написано сочинение «Администрация римских провинций во времена Цицерона», в котором проявилось столь характерное для него в последующем направление научной мысли. По окончании гимназии он поступил в 1888 г. на историко-филологический факультет Киевского университета, где также стал специализироваться на изучении античности. Его учителями стали Ю.А. Кулаковский, А.И. Сонни и В.Б. Антонович.

Через два года М.И. Ростовцев перевелся в Санкт-Петербургский университет, где проучился до 1892 г. Его преподавателями стали Ф.Ф. Соколов, И.В. Помяловский и П.В. Никитин. Особо близкие отношения у будущего ученого сложились с профессором Ф.Ф. Зелинским – одним из самых блестящих на тот момент знатоков древней греческой и латинской литературы и древнегреческой религии, а также блестящим лектором и пропагандистом античной культуры. Ему М.И. Ростовцев был обязан своим глубоким знанием литературной традиции, умением представить творчество древних писателей в контексте современных им идей и настроений, и, наконец, интересом к изучению религиозных древностей. В годы обучения в Санкт-Петербургском университете М.И. Ростовцев сблизился с Н.П. Кондаковым, который обучал его методике иконографического анализа.

Во время учебы в Санкт-Петербургском университете М.И. Ростовцев увлекся социальной историей. Объектом его изучения стали Помпеи. В 1892 г. он совершил первую поездку за границу, в ходе которой посетил Италию и этот древний город.

После окончания учебы М.И. Ростовцев три года проработал в Царскосельской Николаевской гимназии. Он сдал магистерские экзамены, после чего получил от Санкт-

Петербургского университета трехлетнюю командировку за границу для завершения профессиональной подготовки.

Годы заграничной стажировки (1895–1898) стали важным этапом в становлении М.И. Ростовцева как ученого. Он не только совершенствовал свои знания, устанавливал контакты с западноевропейскими коллегами, но и намечал темы будущих научных работ. Историк решил заняться изучением системы государственного откупа в Риме и изданием античных коммерческих пломб.

По возвращении в Россию он стал преподавать в Санкт-Петербургском университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах. М.И. Ростовцев учил латыни, римской истории и вел специальный семинар по римским древностям. В 1899 г. М.И. Ростовцев защитил магистерскую диссертацию «История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)», в 1903 г. докторскую «Римские свинцовые тессеры». В 1901 г. ученый был избран профессором Санкт-Петербургского университета, в 1908 г. стал членом-корреспондентом, а в 1918 – действительным членом Российской Академии наук.

Наряду с преподавательской и научной деятельностью М.И. Ростовцев активно участвовал в общественной жизни: был видным деятелем Конституционно-демократической партии, печатался в литературных и научно-политических журналах, таких как «Вестник Европы», «Мир Божий» и «Русская мысль». В публицистических произведениях нашла отражение его любовь к Родине, стремление направить ее на прогрессивный путь развития.

Но куда примечательней его научная деятельность. М.И. Ростовцев стал одним из основоположников современного российского антиковедения. Он первым попытался проследить историю древней экономики. В результате в поле зрения ученого оказался богатый, крайне информативный материал. В предисловии к своей магистерской диссертации он писал: *«Распространяться о том, какое значение имеет экономическая история человечества для понимания его судеб, излишне; не надо настаивать и на том, каким важным показателем экономической жизни народа является его финансовая администрация. Базу же финансовой администрации составляют агенты взимания, способ взимания стоит в тесной и непосредственной связи с экономической жизнеспособностью народа, и если это откуп, то нет ничего важнее для выяснения себе экономического состояния страны, как уразуметь, какая форма откупа господствует в стране, в какие отношения становится государство к свободным предпринимателям, в какой мере оно регулирует и направляет их деятельность»*. Именно это обстоятельство позволило ему по-новому проследить становление Римского государства. В той же работе читаем: *«Римское государство основалось на двух главных формах античной государственности: на эллинской политике и на эллинистической монархии, слившей элементы политики с восточным территориальным единовластием... Отделить элементы эллинской политики и эллинистической монархии от того, что было продуктом чисто римской государственной мудрости, указать на то, как из этих элементов создалось то, что мы зовем римским государственным откупом императорского времени, явилось второй нашей задачей»*.

Столь же обдуманно ученый приступил к исследованию тессер, как оказалось, ценнейшего источника по истории культуры и экономики античного мира. Введение их в оборот – несомненная удача и научная заслуга М.И. Ростовцева.

После защиты диссертаций ученый продолжил исследовать систему административного управления и финансовую политику Римской империи. Он успешно коррелировал сведения письменных источников с результатами изучения «живой», предметной античности – ученый должным образом оценивал археологию. М.И. Ростовцев интересовался открытиями итальянских археологов, старался воссоздать облик римского дома и сельской усадьбы, а также города в целом. Идеи историка были изложены в работах «Римский дом» (СПб., 1902) и «Древний город Рим» (СПб., 1910), и в монографии «Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж» (СПб., 1908).

Ученый также интересовался жизнью римского крестьянства. Он с особым вниманием занялся изучением проблемы колоната, стремясь понять судьбы едва ли не самого многочисленного класса сельского населения Римской империи, природу его закрепощения. В результате появилась и монография «*Studien zur Geschichte des römischen Kolonates*» (Leipzig-Berlin, 1910), которая до сих пор остается одним из самых фундаментальных трудов по истории колоната.

Отметим, что социально-экономическая история Рима и эллинизма не была единственной темой его исследования. Много внимания ученый уделял изучению истории античного Причерноморья. Из-под его пера вышла «*Античная декоративная живопись на юге России*» (СПб., 1913–1914). Он написал большой цикл статей, в которых освещалась история Ольвии, Херсонеса и Харакса. Но особо интересовал М.И. Ростовцева античный Боспор. Его привлекали проблемы взаимоотношений и устройства античных государств, в частности, вопрос о природе монархической власти этом регионе. Стоит отметить его фундаментальные монографии «*Эллинизм и иранство на юге России*» (Пг., 1918) и «*Скифия и Боспор (критическое обозрение памятников литературных и археологических)*» (Пг., 1925), до сих пор не потерявших своей актуальности.

Заметим, что в этом он следовал традиции, издавна сложившейся в российском антиковедении. Ведь историю древнейших государств на территории России стали активно изучать уже со времен П.С. Палласа. Но М.И. Ростовцев интересовала не столько атрибуция античных древностей, сколько возможность изучения процессов взаимодействия Запада и Востока. В любых взаимодействиях цивилизационных начал он искал подтверждения своим историко-политическим расчетам.

Однако в работах М.И. Ростовцева есть существенные недостатки. Начнем с того, что он слишком свободно использовал такие термины, как «пролетариат», «буржуазия» и «капитализм», а также несколько шире, чем принято сейчас в научной среде, понимал сущность древнеримского среднего класса. Ученый относил к нему сенаторов эпохи Антонинов и верхушку провинциальной элиты, на самом деле, являвшихся правящим сословием империи. Очевидно, что их нельзя отнести к буржуазии в строгом значении этого слова.

К сожалению, М.И. Ростовцев не считал нужным проследить изменения в положении сенаторского сословия. Он фактически игнорировал социальную мобильность, благодаря которой армия и сенат срослись. На самом деле военные командиры не уничтожили сенат, а наоборот, спасли его.

Следует отметить и зависимость ученого от сравнительно небольшой группы литературных текстов, анализ которых привел его к мысли об упадке Рима в III в. Нам же кажется, следовало бы говорить не столько о кризисе этой средиземноморской империи, сколько о начале длительного процесса возникновения Византии.

Собственно, об узости круга задействованных им источников говорит и то, что ученый не уделил должного внимания римскому праву. Также историк не использовал уже достаточно широко распространенный в его время просопографический метод.

К сожалению, не избежал он ошибок и в своих экономических исследованиях. Дело в том, что его подход не был профессионально-обществоведческим. Оставаясь гуманистом, он игнорировал статистику, делая упор на анализ хорошо известных ему письменных памятников.

Но все это не так важно, как может показаться на первый взгляд. М.И. Ростовцев был последним антиковедом, писавшим «большие» книги на «большие» темы, что, как мы понимаем, было крайне трудно. Вернее сказать, практически невозможно. Именно это стало причиной допущенных им неточностей. Так что даже выявленные недостатки не умаляют высокое историческое значение его фундаментальных работ. Они стали основой позднейших исследований, освещающих отдельные проблемы античной истории.

К сожалению, ученая деятельность М.И. Ростовцева в России продолжалась недолго. В 1918 г. ему пришлось спешно прервать эти исследования. Он опасался репрессий, неизбежных в виду

его активной гражданской позиции. Его отъезд, оформленный как академическая командировка для научных занятий в библиотеках и музеях Западной Европы, фактически был бегством. Он не смог взять с собой даже свой архив.

Оказавшись за границей, М.И. Ростовцев через Швецию при поддержке О. Альмгрена добрался до Англии, где провел самые трудные для него первые два года эмиграции. Ему не дали возможности преподавать в каком-либо из университетов страны – сказались противоречия с местными антиковедами. Он кое-что перепечатывал из своих прежних работ в английских или французских изданиях, а также активно занимался политической публицистикой. Из-под его пера выходили язвительные статьи против большевиков и новой утвердившейся в России власти.

Жизнь ученого нормализовалась только после получения приглашения в США. В 1920 г. М.И. Ростовцев был принят в университет Мэдисона. Через пять лет он перешел в Йельский университет. Там его по-настоящему оценили. По предложению М.И. Ростовцева, Йельский университет даже включился в начатые французскими учеными широкомасштабные раскопки Дура-Европос. Совместная экспедиция провела десять археологических сезонов (1928–1937 гг.), благодаря которым крепость Дура-Европос стала «сирийскими Помпеями». М.И. Ростовцев руководил как самими археологическими работами, так и изданием девяти томов предварительных сообщений.

Но этим его издательская деятельность не ограничилась. Он участвовал в написании первой версии «The Cambridge Ancient History» (Cambridge, 1923–1939). Из-под его пера вышли монографии: «The Social and Economic History of the Roman Empire» (Oxford, 1926) и трехтомная «Social and Economic History of the Hellenistic World» (Oxford, 1941). К сожалению, они так и не переведены на русский язык. Зато на Западе он до сих пор остается единственным известным русским античником. Об остальных, к сожалению, знают только в узкопрофессиональной среде.

Важно отметить и то, что М.И. Ростовцев использовал свой научный авторитет для того, чтобы облегчить жизнь своим бывшим соотечественникам. Он помогал русским эмигрантам-античникам перебраться в США. Так, благодаря ему Н.П. Толль стал сотрудником Art School и принял участие в раскопках в Дура-Европос.

В Йельском университете М.И. Ростовцев активно работал до 1939 г., когда, отойдя от преподавания, перешел на положение заслуженного профессора. Ученый тяжело переживал начало Второй мировой войны, которая вновь пробудила в нем опасения за судьбу западной цивилизации, мировой культуры и науки. Историка мучила и сильная тоска по Родине. В довершение ко всему в последние годы жизни его постиг тяжелый недуг, лишивший возможности продолжать творческую работу. Он умер в Нью-Хейвене 20 октября 1952 г.

В России же имя М.И. Ростовцева оказалось надолго забытым. Реабилитировано оно было только в конце Перестройки. В последние десятилетия русскоязычный научный мир начал открывать богатое научное наследие великого историка. Его работы оказались крайне актуальными. Его идеи оказались по-новому понятными. К сожалению, М.И. Ростовцев так и не получил возможность вернуться на Родину. Только теперь его интеллектуальные сокровища возвращаются к нам.

Но, согласитесь, этого, очевидно, мало. Нужно ведь не только изучать старое, многим уже известное, но и открывать новое. В нашем сборнике представлены статьи исследователей из разных государств СНГ. Их работы очень разноплановые. Сборник включает статьи по античной и средневековой археологии, истории, нумизматике и этнографии. Не все они посвящены вопросам, затронутым М.И. Ростовцевым. И среди них нет «больших», крупномасштабных работ. Но сама методика изучения проблем, используемая современными исследователями, весьма близка к той, которая была разработана великим российским историком. Авторы сборника стараются сочетать различные источники информации, и, в любом случае, не игнорируют археологию. Современные ученые продолжают дело, начатое М.И. Ростовцевым.